

БОЛГАРИЯ 9'74

ЖУРНАЛ „БОЛГАРИЯ“
ИЗДАЕТСЯ АГЕНТСТВОМ
СОФИЯ-ПРЕСС

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
ДЕЛЧО ПИСКОВ,
ТЕМЕНУГА ГЕЦОВА,
ДИМИТР КОЛЕВ,
ДИМЧО МАРИНОВ

ФОТОРЕДАКТОРЫ:
ИЛИАНА ГЕНЧЕВА,
ИВАН КАРАДЖОВ

НОМЕР ОФОРМЛЕН
ХУДОЖНИКОМ П. КУЛЕКОВЫМ

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР
НЕДЕЛЧО СТЕФАНОВ

РЕДАКТОР ПЕРЕВОДА
АЛИНА АТАНАСОВА

КОРРЕКТОР
СВЕТЛА ИВАНОВА

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
СОФИЯ, УЛ.ЛЕВСКОГО, 1

АДРЕС БЮРО АГЕНТСТВА
СОФИЯ-ПРЕСС В СССР:
МОСКВА, ГРУЗИНСКИЙ
ПЕРЕУЛОК, 3, КВ. 260

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ
ЦЕНТР АГЕНТСТВА
СОФИЯ-ПРЕСС

В НОМЕРЕ:

НА СЛУЖБЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	4
БОЛЬШОЙ МАРШРУТ БОЛГАРИИ	6
МИССИЯ ДРЕВНЕБОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ	12
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ	14
ВЫСОКОЕ ПРИЗНАНИЕ	16
АРМИЯ НАРОДНАЯ	18
ТРИ СОБЫТИЯ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ	22
СПОРТ	24

НА 1-Й СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В КОМАНДНОМ ЗАЛЕ ЯДЕРНОГО РЕАКТОРА. ФОТО ИВАНА КАРАДЖОВА

НА МАЛЕНЬКИХ СНИМКАХ: „БАСКЕТБОЛЬНЫЙ МАТЧ“ В СЕМЬЕ ИНЖЕНЕРА ПЕТРА ЦОНКОВА /СТР. 10/; „ПЕРЕД АТАКОЙ“. ХУДОЖНИК ИЛИЯ ПЕТРОВ /СТР. 28/

НА 2-Й СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: МОЛОДОСТЬ СТАРОГО РОДОПСКОГО ГОРОДА КЫРДЖАЛИ. ФОТО ДИМИТРА АНГЕЛОВА

НА 4-Й СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: НАСТРОЕНИЕ. ФОТО ПЕТРА БАКАЛОВА

МИССИЯ ДРЕВНЕБОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Академик ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев — один из крупнейших славистов нашего времени. Он родился в Петербурге в 1906 году. Сторонник мнения о широком и глубоком взаимодействии культур, комплексного исследования первоисточников и всех редакций каждого текста, большой знаток древнерусской литературы, он является также одним из самых оригинальных и уважаемых толкователей древнеболгарской литературы. В любом из трудов Лихачева можно встретить исключительно ценные исследования, наблюдения, сопоставления, смелые гипотезы о древней болгарской литературе и культуре. Помещаемая ниже статья — отрывок из книги Д. С. Лихачева „Развитие русской литературы X-XVIII веков. Эпохи и стили“, 1973.

В самом деле, Византия и византийская культура отличались многонациональным характером. Византийская культура создавалась во всех средиземноморских и черноморских районах, от Кавказа на востоке и до Сицилии и Венеции на западе. Она не была национально единой и национально ограниченной. Древнеболгарская культура X века, положившая начало собственно болгарской, также не была узконациональной. Проповедь Кирилла и Мефодия была обращена ко всему славянству, она не ограничивалась только непосредственными нуждами болгар и моравов, не замыкалась в национальных интересах. Широкий взгляд на судьбы человечества характеризует всех первых южнославянских писателей.

Древнеболгарская литература с самого своего возникновения ответила не только национальным, но и общечеловеческим потребностям. Древнеболгарская литература не замкнулась в темах, связанных только с местным, болгарским укладом жизни, с местными политическими волнениями своей эпохи, а с первых же своих шагов стала литературой, решающей — наряду с чисто болгарскими — основные, общие вопросы человеческой жизни и мировоззрения, и тем приобщила болгарский народ к общеевропейской культуре. Древнеболгарская литература сразу стала литературой зрелой, „взрослой“, философски глубокой и сложной, учитывающей многовековой опыт многонациональной византийской литературы, в создании которой в свое время сыграли заметную роль и сами славяне.

В этом сочетании собственных, болгарских, и общечеловеческих тем национальное своеобразие древнеболгарской литературы, своеобразие огромной значимости ее для всех славянских народов. Поражающая особенность древнеболгарских писателей — их озабоченность общечеловеческими проблемами. Болгарские писатели обращаются не только к болгарским читателям, а ко всем людям и ко всем народам. И при этом их не покидает уверенность, что они пишут на языке, понятном для всех славян.

Болгарские коллизии и проблемы становятся в древнеболгарской литературе коллизиями и проблемами всемирно-исторического значения. Болгария для древнеболгарского автора — прежде всего часть мира, большого и значительного. Ее интересы не заслоняют собой остального мира, а, напротив, представляют и представляют весь этот мир. Отсюда общечеловеческая значительность содержания древнеболгарской литературы, посвященной основным вопросам мировоззрения, устройству мира, ходу мировой истории, основным заповедям и положениям христианства, его догматам, его установлениям и рассматривающей болгарские нужды, потребности, события в свете этих больших, общечеловеческих тем.

Древнеболгарские литературные памятники говорят о деятелях Болгарии как о деятелях всего славянства и о просвещении славян как о факте распространения христианства на весь мир. Болгар-

ское самосознание, необыкновенно интенсивное для народа, только что выступившего на мировую арену, не отделяло Болгарию от всей вселенной, не замыкало болгарский народ в его узконациональных, политических и культурных интересах, а было преисполнено живой уверенности в общемировом значении Болгарии. Болгария, с точки зрения древнеболгарских писателей, — важнейший этап в распространении христианства на весь мир. Мы так привыкли к этой удивительной черте древнеболгарской литературы, что перестали ее замечать и придавать ей значение.

Между тем именно эта черта характерна не только для памятников письменности, но и для всей деятельности Кирилла и Мефодия. Она отразилась в „Прогласе“, „Пространном житии Кирилла“ и в „Пространном житии Мефодия“, в кратком житии Кирилла, в житиях Наума, в сочинениях Климента Охридского, Константина Преславского — в его „Учительном евангелии“ и „Азбучной молитве“. Эта же черта характерна для сочинения Черноризца Храбра о письменах.

Личность Кирилла-Константина и личность Мефодия как нельзя лучше соответствовали не только их исторической миссии, но и миссии всей древнеболгарской культуры.

К своей общеславянской и, больше того, общеевропейской деятельности Кирилл-Константин хорошо подготовлен тем, что, помимо болгарского и греческого, знал латинский, еврейский и арабский языки. По-видимому, в начале 50-х годов IX века он ездил с религиозной миссией в Болгарию, был в Сирии, путешествовал к хазарам, был в Крыму — в Херсонесе. Он не был исключительно болгарским деятелем — он проповедовал и в Моравии, и в Паннонии.

Распространение христианства Кириллом-Константином и Мефодием и их учениками не было омрачено никакими попытками установить чье бы то ни было политическое господство. Их проповедь была апостолической. Она была связана с переездами из страны в страну. Литературный язык их сочинений, ставший затем церковным и литературным языком южных и восточных славян, а также румын, присоединял к своей болгарской основе отдельные местные черты и латинизмы.

Широта и открытый характер древнеболгарской культуры способствовали ее быстрому восприятию в других славянских странах. Древнеболгарская культура легла в основу культур других православных славянских и некоторых неславянских стран. И в этом ее огромное общеславянское и общеевропейское значение.

Роль древнеболгарского духовенства может быть сравнена с ролью ирландских монахов незадолго до этого. Культурный уровень ирландской церкви с конца IV и по VIII век был наивысшим в Европе после Византии. Ирландские монахи добирались до Исландии и переходили на европейский континент, устанавливали связи даже с Египтом, разнося христианство, основывая монастырские культурные центры. Они в значительной мере создали знаме-

нитый „Каролингский ренессанс“. Но отличие ирландских монахов от древнеболгарского духовенства в том, что ирландцы были сосредоточенными энтузиастами отречения от мира. Древнеболгарское же духовенство было гораздо более „светским“ и широким по своему духу.

Появление литературы такого высокого уровня, как литература древнеболгарская, кажется почти чудом. Поражает быстрота ее формирования и глубина ее общечеловеческого содержания, сложность выражаемых ею идей.

Чудо объясняется, однако, не только гениальностью Кирилла и Мефодия, которым удалось создать азбуку, орфографию и на основе болгарского — великолепный, тонкий литературный язык, способный выражать самые сложные отвлеченные идеи. Чудо объясняется прежде всего тем, что болгарский народ оказался способен все это воспринять. А способность к восприятию воспиталась в болгарском народе потому, что Болгария издавна была территорией великих культур и соседствовала с самыми просвещенными народами тогдашней Европы.

Болгарская литература восприняла многонациональные культурные традиции Византии. Вместе с тем сама почва Болгарии была напоена культурными соками античной Греции и Рима, фракийских племен а также других отдельных племен Азии и Европы. В Болгарии скрещивались пути военных походов и широкие дороги переселения народов. Болгария была страной, которая уже в силу одного своего географического и этнографического положения не могла иметь резко обозначенных и непреодолимых национальных границ.

Древнеболгарская литература служила посредником, через которую все другие южно- и восточнославянские литературы знакомилась с литературными произведениями Византии. Ведь не только их собственные переводы на русский, сербский языки, но и переводы на древнеболгарский язык с греческого распространяли произведения византийской литературы, которая в свою очередь очень часто служила посредницей своими переводами с арамейского, сирийского и т. д.

Создав литературу, общую для всех стран православного славянства, Болгария способствовала общению между собой всех православных славянских стран. Это было бы невозможно без общего литературно-церковного языка, болгарского в своей основе. Сколько бы ни возражали, приводя отдельные факты непонимания писцами языка других славянских стран, нельзя отрицать того простого факта, что язык „высокой“, церковной литературы, древнеболгарский по своему происхождению, был в целом понятен во всех странах православного славянства. Если не понимался язык другой восточной и южнославянской страны, то только в том случае, когда он был сильно осложнен местными чертами, был языком местным, близким к разговорному, а не литературным, или когда он сильно отступал от литературных образцов, и то в сравнительно позднее время.

Проф. СИМЕОН РУСАКОВ

Рисунок БОРИСА АНГЕЛУШЕВА

Древнеболгарская литература, возникшая на век раньше других, легла в основу некоей общей для всех южных и восточных славянских народов литературы. Образовались своеобразная литература-посредник и язык-посредник. „Посредник“ не между Византией и славянством, а между всеми православными славянскими народами. Славянские народы, — на Юге и Востоке в первую очередь, нашли между собой общий язык и совместно стали трудиться над продолжением и развитием общей литературы. Роль Болгарии отнюдь не сводилась только к роли „первоначального толчка“ в развитии культуры-посредника. Ее творческое участие в развитии культуры-посредника было всегда очень активным, постоянным, а порой вновь и вновь основополагающим.

Действительно, до самого XVIII века у народов православного славянства существовали, как мы уже говорили, обширная общая литература и общий литературно-церковный язык. Язык развивал свои местные, национальные модификации, но вместе с тем он все время как бы обращался в вспять — к своим традиционным древнеболгарским формам и лексическому составу. Навстречу местным формам в литературно-церковном языке славянства шли возрождающиеся архаические формы, иногда мнимоархаические, но все же укреплявшие старое, традиционное. Благодаря этой „оглядке назад“ и постоянному обмену памятниками, рукописями славянские народы сохраняли высоко совершенную традиционную систему общения между собой на самом высоком интеллектуальном уровне. Также и литература-посредница имела в своем составе не десятки, а сотни общих для всех южных и восточных славян памятников, памятников, освященных традицией и авторитетом.

Важно отметить, что из Византии родственные наднациональные тенденции передались и в древнерусскую литературу. Последняя также способна была осознавать интересы человечества и всего христианства, восприняла тот же болгарский и „византийский“ дух. Правда, эта тенденция в древнерусской литературе была затуманена рядом других не менее важных черт. Древнерусская литература при всем ее несравненном богатстве не выполнила и не должна была выполнить той же исторической миссии, которую с таким же успехом осуществила древнеболгарская литература — и в отношении своей страны, и в отношении всего славянства. Однако в русской литературе ее „общеευропейскость“ и общечеловечность в силу ряда благоприятных исторических причин дожили до нового времени. Именно эта черта русской культуры определила успех петровских реформ и резкий поворот в XVIII веке всей русской культуры к Западной Европе. Сознание своей европейской значительности и важности всечеловеческих интересов сказалось и в творчестве отдельных писателей, в первую очередь Пушкина и Достоевского.

Чем обусловлено появление наднациональной культуры и ее части — наднациональной литературы, объединяющей страны и народы в средние века? В первую очередь отметим — единством высшего феодального класса: очень часто единством кровным (династические связи) и единством интересов. Во вторую очередь отметим единство средневековой интеллигенции, ее своеобразный кочевой характер (переезды из страны в страну писателей и писцов, артелей строителей, мозаичистов, фрескистов, объединяющий характер больших монастырских центров — таких, как Афон, например). В третью очередь, и это, пожалуй, самое важное, отметим единство вероисповедное и единство самой церковной организации.

Юбилей Александра Сергеевича Пушкина — великого певца свободы, одного из исполинов русской и мировой литературы — снова показал, что традиции его творчества вечно живы, что они играют огромную роль в мировом литературном процессе и что дело поэта продолжает служить прогрессивному развитию человечества. Конкретное содержание эта истина приобретает при рассмотрении места, роли и значения творчества Пушкина в историческом и культурном развитии народов разных стран. О всемирной славе великого русского поэта свидетельствует, в частности, огромное плодотворное воздействие, которое его произведения оказывали в Болгарии. Это воздействие следует рассматривать в трех аспектах: развитие болгарской литературы, борьба народа за освобождение, строительство социалистического общества в Болгарии.

Болгарский читатель открыл Пушкина в тяжелых условиях османского гнета. В середине XIX века деятели болгарского национального Возрождения Иван Богоров, Иоаким Груев и Петко Славейков первыми знакомятся с творчеством Пушкина, начинают говорить о нем в печати, восхищаются гением поэта, переводят на болгарский язык его отдельные стихотворения. Особенно глубоко волнует творчество Пушкина Петко Славейкова — первого большого национального поэта Болгарии. Он очарован красотой произведений русского мастера, а сам Пушкин становится для него образцом гражданина и поэта, самым авторитетным учителем и вдохновителем. Свое преклонение перед Пушкиным Славейков выразил в глубоко волнующем признании: „Он не был мне брат, по музе был собрат, но был мне милее брата“.

Велика заслуга Петко Славейкова в популяризации творчества гениального русского поэта в порабощенной Болгарии. Он переводит на болгарский язык ряд его стихотворений и тем самым способствует обогащению художественной культуры нашего народа. Наряду с эфим Славейков учится у Пушкина идейности творчества и художественному мастерству.

В период, предшествовавший освобождению Болгарии от османского ига, с творчеством Пушкина знакомятся все более широкие литературные, культурные и общественные круги страны. Поэты и деятели культуры, многие из которых получили образование в России, переводят произведения Пушкина, созвучные думам и чаяниям болгарского народа. Наряду с лирическими стихотворениями поэта на болгарский язык переводятся драма „Русалка“, повесть о герое-болгарине „Кирджали“, знаменитая „Капитанская дочка“, в которой дан образ защитника народа Емельяна Пугачева. Накануне освобождения страны появился и первый биографический очерк о Пушкине.

Богатое идеями, образами, жанровыми формами творчество Пушкина стало плодотворной школой для поэтов и писателей Константина Величкова, Василя Друмева, Любена Каравелова, Христо Ботева. Революционные демократы, пламенные певцы освободительной борьбы народа, Каравелов и Ботев учились у Пушкина народности творчества, свободолюбивому пафосу, ненависти к угнетателям. Особенно сильно чувствуется пушкинская заправка в стихотворениях Ботева и в революционной болгарской лирике.

После освобождения Болгарии от пятивекового ига Пушкин становится одним из наиболее популярных в стране русских поэтов. Его произведения широко переводятся, публикуются в газетах и журналах, помещаются в хрестоматиях и антологиях, изучаются в школе. В этот период самыми активными переводчиками и популяризаторами творчества Пушкина в Болгарии становятся Иван Вазов, Алеко Константинов, Кирилл Христов, Пенчо Славейков, Георгий Бакалов. Пушкинский гений оказал влияние и на творчество этих выдающихся национальных поэтов и писателей.

В 20-х и 30-х годах нашего века общение болгарского читателя с творчеством Пушкина проходило в трудных условиях. Монархо-фашистская диктатура ставила преграды развитию прогрессивных тенденций во всех областях общественной и культурной жизни страны, ограничивала проникновение в Болгарию русской и советской литературы. Под руководством Болгарской коммунистической партии в эти годы было организовано широкое народное движение, боровшееся за широкий доступ к произведениям русских и советских писателей. Особая заслуга в пропаганде творчества великого русского поэта в этот период принадлежит Николаю Хрелкову, Людмиле Стоянову, Марии Грубешлиевой и другим писателям-коммунистам, которые активно переводили его произведения на болгарский язык. Под редакцией Людмила Стоянова вышло полное собрание сочинений Пушкина в десяти томах. Прогрессивная печать посвящала поэту множество статей и обзоров. В 1937 году передовая общественность страны широко отметила юбилей Пушкина, и это чествование вылилось в яркую демонстрацию любви и уважения, питаемых болгарским народом к русскому народу, к Советскому Союзу. В связи с юбилеем в печати появились вдохновенные стихи болгарских поэтов, посвященные Пушкину, и особое место среди них принадлежит знаменитому лирическому произведению Николы Вапцарова „Пушкин“.

И в этот трудный для страны период творчество Пушкина было связано с освободительной борьбой народа. Писатели-антифашисты опирались на него, поднимали имя поэта как знамя свободы, следовали его примеру.

После победы болгарского народа в 1944 году сочинения Пушкина стали широким народным достоянием. Они выходят большими тиражами (44 тома общим тиражом 887 000 экземпляров), читаются большой аудиторией, изучаются в средних школах и высших учебных заведениях. Сейчас Пушкин представлен болгарскому читателю в новых, высоко художественных переводах, его творчество служит предметом исследований видных болгарских литературоведов. В течение трех десятилетий Пушкин участвует в развитии новой социалистической культуры страны, является учителем болгарских поэтов и писателей. Творчество великого поэта тесно переплелось с историей развития Болгарии. Пушкин — это одно из самых замечательных звеньев болгаро-советской дружбы.